

Клиенты

Отрывок из книги Энно Таммера

Симон Левин

Рожденный адвокатом

Таллинн, Tammerraamat, 2009

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

- **Как появляются клиенты**

Как тогда, в начале карьеры появлялись у Вас новые клиенты?

Возможностей для саморекламы было не так уж много. Я сам себя никогда не рекламировал. Хотя мои коллеги, особенно молодые, говорили, что хоть я и проповедую, что адвокат сам не должен себя рекламировать, но на самом деле больше других этим занимаюсь сам. «Вы выступаете по телевизору, ведете передачу на радио, о Вас пишут газеты – это и есть реклама» - злопыхал когда-то один из моих коллег на совещании адвокатов.

Да, в свое время у меня по субботам была радиопередача, но я там говорил не о себе, а о правовых проблемах. На совещании же я ответил коллеге, что не в моей власти заставить людей ко мне не обращаться. Я ничего не предпринимал для саморекламы, никогда не обращался ни к одному журналисту с просьбой обо мне написать. Обо мне писали только те, кто сами решали, что моя работа этого заслуживает. Вопрос не в саморекламе, а в содержании работы. Когда я начал работать адвокатом, журналистика вообще не отражала судебные процессы, и особенно те, в которых участвовали начинающие адвокаты.

Для появления частной клиентуры тогда существовали другие возможности. Например, тогда была целая группа пенсионеров, которые в театр не ходили, а судебные процессы воспринимали как театральные представления. Кому-то из

них моя работа нравилась. Вот они-то меня и рекламировали, распространяя обо мне свои впечатления.

Клиентов помогали находить и старшие коллеги. Часто солидные адвокаты по гражданским делам в ответ на обращения с просьбами назвать стоящего адвоката, говорили – «Слушайте, у нас работает совсем молодой начинающий адвокат. У него есть время и желание. Он и в достаточной мере педант. Попробуйте, по крайней мере, он всего себя отдает работе».

Смешно сказать, но своим знакомым и родственникам меня рекомендовали и мои противники – прокуроры. Ясно помню, как чуть не подрался с одной прокуроршей, мир праху ее. Но когда ее муж попал в аварию, она за помощью обратилась именно ко мне.

• Гипноз имени

Ко мне обращались и, так сказать, по привычке. Это был гипноз имени, так как известно, что Левины – династия адвокатов, к тому же не самых плохих. Ко мне обращались из-за имени и в ту пору, когда я сам еще не сделал ничего для его укрепления. Если не ошибаюсь, позже я внес свой вклад в это дело.

В связи с этим припоминаю, как в начале независимости Эстонии ко мне в юридическую консультацию на ул. Виру пришла молодая дама. Ее лицо мне показалось знакомым, но я не смог припомнить, откуда я ее знаю. Она сказала, что пришла по совету своей матери и потому, что моя фамилия Левин. «В нашей семье, - подчеркнула она, - все – торговые работники, и у меня на работе случилась небольшая неприятность, которая может перерасти в криминал. Хотела бы Вашего согласия стать моим адвокатом в случае, если дело станет уголовным».

Так как я не был знаком с ее делом, я ничего ответить не смог, и она продолжила объяснения. «Я Вам доверяю, потому что моя мама была клиенткой Вашего отца. Когда-то мама заведовала в Вильянди кооперативным магазином, и ее обвинили в недостатке. Но Ваш отец доказал, что недостачи вообще не было. Он изучил все документы и нашел ошибку в ревизии. Поэтому я и пришла к Вам. Мама сказала, что, наверное, сын ее адвоката не хуже своего отца».

Я спросил, когда было мамино дело, и получил ответ, что очень давно, еще до ее рождения, примерно в 1948 – 1950 гг. «Моя мама приходила сюда же, в консультацию на ул. Виру», - уточнила она.

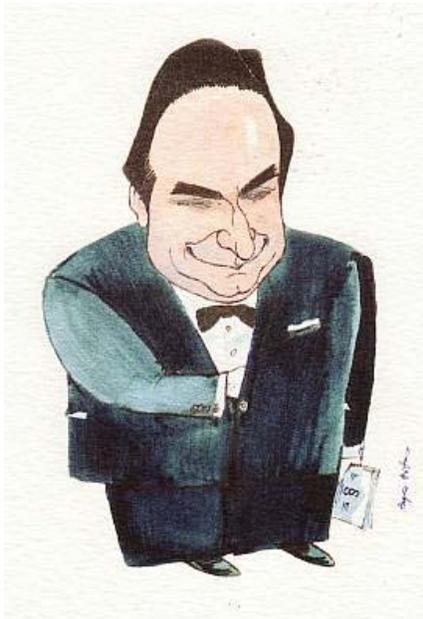
Я тогда ей сказал, что никто из моих родственников здесь не работал. Папы, мир праху его, в это время уже не было в живых. Я помню этот процесс, адвокатом на нем был я, а не мой отец.

В следующий раз дама пришла с матерью, которая сказала – «Уважаемый господин Левин, не вводите мою дочь в заблуждение. Прошло уже много лет, и Вы просто не могли быть тем адвокатом». Мне долго пришлось объяснять, пока она поверила, что защищал ее все же я.

- **Интересовала борьба, ставил клиенту предварительное условие.**

Когда моя работа стала востребована, и люди стали узнавать обо мне разными путями – за моей дверью, образно говоря, возникла очередь. Я мог себе позволить выбирать дела в соответствии со своими принципами – дела должны были быть мне интересны и быть существенными для моего профессионального развития. Никогда при выборе дела я не руководствовался его легкостью и ожидаемым высоким гонораром.

Очень часто я занимался делами ради борьбы как таковой. Я хотел выиграть процесс и доказать, что именно я прав. Много раз принимался за дело, стремясь помочь знакомым. Эстония – маленькая страна и Таллинн – маленький город. У нашей семьи было много знакомых, иногда кто-то из них нуждался в помощи. Конечно, на выбор дел влиял и график моей работы. Не могу же я одновременно присутствовать в трех местах.

Я не принадлежу и никогда не принадлежал к числу тех адвокатов, которые хватают несколько дел одновременно, думая, что со всеми справятся. Я так не делаю не только потому, что это противоречит моим принципам, но и потому, что это крайне неудобно. Нельзя же разорваться на части. Когда адвокаты бездумно нахватывают себе дела – страдают ведь клиенты.

Мой выбор определяет еще одно существенное обстоятельство. Перед тем, как заключить договор с клиентом, я ставлю перед ним ясное условие. Мы должны достигнуть соглашения о том, что он примет выдвинутую мной линию защиты. Если он этого делать не предполагает, я не берусь за защиту этого дела.

Самыми безнадежными примерами являются дела, когда на сто процентов ясно, что человек совершил преступление, но он это категорически отрицает и не считает этот поступок преступлением. Это – скользкая почва, и я с такими клиентами стараюсь дела не иметь.

Примером может служить мое первое подобное дело по обвинению цыгана Н. из Риги в карманной краже в большом Таллиннском универмаге. Я был его официально назначенным защитником. Для его защиты было мало возможностей, так как он был взят с поличным в момент, когда его рука находилась в чужом кармане. Было много свидетелей этого. Но цыган все отрицал. Я ему сказал, что в эти игры не играю, и что он прекрасно знает, почему. Он пообещал на меня пожаловаться, а я сказал ему очень грубо, но так, чтобы он понял – «Лучше получу выговор, чем начну с вами на пару жрать дерьмо из одной параша».

Он каким-то образом удрал. На следующий день его арестовали за драку. И он получил наказание за оба дела. Через много лет мне досталось подобное дело, но значительно более сложное. Чтобы с честью его провести, мне пришлось сознательно нарушить общие правила адвокатуры.

- **Как я нарушил общие правила адвокатуры**

Во дворе одного из домов для престарелых советский солдат убил другого солдата штыком. Убийцу схватили почти сразу. На месте преступления нашли орудие убийства – штык. Эксперты установили, что на нем были отпечатки пальцев обвиняемого, а, кроме того, следы крови убитого были на штыке и одежде подозреваемого. Место убийства и вещественные доказательства были так изучены и представлены, что не было сомнения в том, кто убийца.

Речь шла о двух советских солдатах, шедших по двору дома для престарелых в свою часть. Оба работали в охранной службе и были вооружены. Не меньше двух пожилых людей оказались свидетелями всего происшествия. Они сумели точно описать все, что слышали и видели. Они отметили, что оба солдата были пьяны. Во дворе они начали ссориться. Причиной ссоры было непристойное матерное русское ругательство, которым один солдат обозвал другого – представителя кавказских горцев. Для него большего оскорбления быть не могло, в то время как для русского человека это ругательство – повседневное общепринятое бытовое выражение. Русский к таким словам привык, а кавказец так обиделся, что двинулся на обидчика. Они начали наскокивать друг на друга и драться.

Обидчик решил, что ему ничего не поможет, кроме штыка, и он схватил его и занес для удара. Но сын кавказских гор оказался проворнее, он сумел перехватить штык и обратить его на противника. Удар пришелся по околосердечному кровеносному сосуду, и солдат погиб от кровотечения. Подзащитный, избежавший гибели, однако, выбрал странный путь – он категорически все отрицал, говорил, что случайно шел мимо, ничего не знает о случившемся, и никого не убивал. Я не знаю, зачем он врал и на что надеялся.

Я понимал, что он отрицал очевидные обстоятельства, и это только ухудшало его положение.

Дело слушалось в военном трибунале. В главных этических нормах адвокатуры ясно сказано – в случае, если подсудимый отрицает свою вину, защитник не имеет права занимать позицию, противоположную позиции обвиняемого. Я же видел, что из этого положения нет другого выхода, чем сознательно нарушить одну из главных норм адвокатуры. Я был в очень трудном юридическом положении, у меня просто не было другого выхода, чтобы защитить подсудимого от грозящего ему наказания.

Свою речь в суде я начал так – «Уважаемый суд. В этом деле я предполагаю сознательно нарушить одну из норм адвокатуры, хотя сам являюсь членом комиссии по этике. Я могу за это получить выговор, но для меня это максимальное наказание. Подсудимый же может за свое преступление получить значительно больше, минимально 10 лет тюрьмы, максимально – расстрел».

Я подумал так – если я не скажу правду, я вообще не смогу его защитить и суд поступит с ним, как сочтет нужным. Если я скажу правду или то, что в судебном деле в любом случае доказуемо из-за показаний свидетелей или вещественных доказательств - я получу замечание или выговор, но буду иметь ясные основания для его защиты.

Ему же угрожает серьезное наказание. Мой долг адвоката – выбрать лучший путь для его защиты. Я сказал суду – «Так как мой подзащитный категорически отрицает свою вину, формально я должен бы для вас что-то сочинить, но я этого не сделаю. И не потому, что я не хочу выглядеть дурачком, как вы могли подумать, а потому, что мне, повторяю, терять придется меньше, чем ему». И продолжил – «Я знаю, как все происходило и знаю также, почему это случилось. Да, мой подзащитный убил. Это подтвердили беспристрастные свидетели и анализ экспертами вещественных доказательств. Он убил человека в целях самозащиты и был в соответствующем душевном состоянии.

В обстановке, когда тебя не только оскорбляют, но и нападают физически, покушаются на твою жизнь, мыслительный процесс человека нарушается, он думает только о лучших способах самозащиты. Зафиксированные в судебном деле материалы свидетельствуют о том, что у подзащитного не было возможностей выбора средств самообороны. Я прошу оправдать моего подзащитного – стремясь защитить свою жизнь, он не превысил границ самообороны».

После совещания суд назначил обвиняемому наказание – два года службы в штрафном батальоне за превышение границ самообороны. Это было хорошее решение.

Я успокоился и отправился в адвокатуру за наказанием. Как член руководства адвокатуры я в обсуждении не участвовал.

Обсудив мое дело и приняв во внимание мотивы моих действий и их значение в деле защиты прав человека, руководство адвокатуры решило меня не наказывать, а просто указать мне, что я нарушил норму адвокатуры. Они даже не сочли нужным меня предупредить, чтобы в следующий раз в аналогичной ситуации я так не поступал. Но письменно они указали, что я до этого случая всегда вел себя достойно, что впрочем не обязательно являлось правдой.